

Шагал М.

Скрипка Шагала

Исполняется 100 лет со дня рождения художника

Шагал удивляет того, кто ничему в жизни удивиться не способен. Ребус! — говорит такой зритель. Еще бы — он привык видеть головы на своих местах; человека, твердо стоящим на земле, а если и на небе — то упакованным в оболочку самолета. И ко всему, где-то в самых потаенных глубинах души верует такой зритель: земля по-прежнему мирно покоем на трех китах или трех слонах.

А Шагал поклонник Галилея. Она движется — и все тут. И потому Шагал опрокидывает слегка стол, одновременно удерживая на нем самовар со стаканами, опрокидывая тем самым наше представление о слишком привычном. Мы живем на вращающейся земле, в постоянно деформирующемся мире, ежесекундно взрывающемся цветами и неожиданностями. Земля повисает капелькой в космосе — а отпугивают вдруг ее солнечные лучи — и канет в бездны Вселенной. И не чиновно засупоненной старухой плетется жизнь, а мчится акробаткой (как на картине Шагала), смело неся свое гонимое тело, сметая с лица земли однообразие и однообразных. Шагал отвергает схему и канон. Земля у него вращается, а люди летают. Да еще как! Да еще и не замечают этого, настолько это состояние для них естественно. Так они живут. Чаше всего, что совершенно справедливо, летают у Шагала влюбленные — парят над горами и долами, а рядом с ними — огромный и прекрасный букет цветов, да еще в вазе. Художник знает, что надо дарить влюбленным.

Ничего невозможного! Ничего скучного! Влюбленные летают и приземляются. Уже стоящий на земле мужчина в пламенных одеждах («Прогулка») «ведет» за руку свою еще красиво планирующую над землей подружку. Вокруг пламенеют пласты зеленого поля, на них ярким алым озерцом растекается узорчатый платок. Так Шагал живописует прогулку радости и счастья. Полет заканчивается, но не прекращается ни на миг.

Но это влюбленные, чего от них еще ждать? А как быть странником с заплечной котомкой, перелетающим улицу в Витебске? Можно было бы написать: художник так видит, или художник иначе не может (в юности когда-то Шагал так и заявил: «Мне, видите ли, необходимо было так сделать»). А можно на мгновение представить мир живым и остро чувствующим.

Ничего невозможного! Ничего привычного! Когда у женщины, сидящей за столом, голова перевернута, и получается, что она смотрит не прямо, а вверх, — значит, и мир переворачивается, что-то переворачивается в душе человека.

Мир видится Шагалу не в своей раздельности, не стройными колоннами, но в бесконечной взаимосвязи многих движений. На одной из его ранних картин все изображенное представляется приближающимся и будто вальсирующим: грациозно, как лошади, приплясывают стулья; любопытствующе, как женщина, изогнулось трюмо...

Вы видели, как шагает через дорогу дорожный фонарь?

А рыбу, играющую на скрипке?

А Пегаса, впряженного в сани?

Бывали ли в грустной комнате, где даже ходики останавливаются от невыносимой простоты жизни?

Шагал слишком много видел.

Может быть, оттого, что у

него было доброе и улыбочное лицо?

Может, оттого, что он любил цветы, — во многих его картинах роскошно расцветают красивые букеты.

Может, оттого, что он умел радоваться и грустить одновременно?

Так или иначе, все, что он написал, действительно выглядит, «как старческая мудрость в устах младенца».

И вот тут-то мы догадываемся, что Шагал — скрипач.

Иные из его картин напоминают изображения полупарада-полумаскарада. Тянется череда: сморщенная старуха, бородастый сиделец, фант с местной красавицей (жених и невеста?) и он, Шагал, — скрипач, идущий сквозь жизнь, сквозь смерть, вездесущий, незамечаемый и незаменимый.

Он ходит по миру со своей скрипкой и играет. Сопровождает жизнь своей музыкой. Свидетель событий и их участник, он не вмешивается, что ему, музыканту, чужой пир или похмелье? Но мелодия его вплетается в мир своей веселой или грустной нитью. А сам он — вырастает огромно, наряженный в фиолетовый сюртук и клетчатые брюки, попирая ногой дом и вперяясь в вас всевидящими глазами. И звучит — звучит над зимой, над городом его вечная скрипка, — и не музыка ли всплеснулась вдали летящей человеческой фигурой? Но может Шагал быть и маленьким, черненьким, почти незаметным человечком, приоткрывшимся на ветке дерева, чтобы оттуда, издали, боясь нарушить, играть для молодоженов, над которыми парит ангел.

И даже внутри жонглера с пестрыми лицом забрался вездесущий скрипач. Жонглер представляется миром, в котором живет музыка. Мир — жонглер, скрипач — мелодия, и сколько ни жонглируй мир, мелодия не исчезнет, не умрет в нем.

Шагал утверждает свою вечность в мире, вечность художника, личности, вечность музыки — красоты жизни. И мир, утверждаемый Шагалом, не может исчезнуть, рассыпаться, превратиться в прах. Потому что он никогда не бывает страшным, но странным и ласковым. Этот мир всегда хочется вспоминать.

На одном из автопортретов Шагал видит себя актером — участником маскарада; магом, совершающим волшебное действие, понимая: никакого волшебства не происходит. Кисть живописует слишком обычную жизнь. Парадокс заключается в том, что, отрываясь от этой жизни в мир своих представлений о ней, живая память о ней, художник начинает тосковать об этой оставленной обычной жизни и стремглав возвращается к ней, чтобы тут же снова унести в мир фантазии, а прикоснувшись к последней, снова вернуться на грешную землю и т. д. и т. д. Так он летал внутри себя, всю свою жизнь. Его поезд успешно мчался мимо остановок: кубизм, футуризм, экспрессионизм, импрессионизм, постоянно возвращаясь в родной Витебск. Так случилось, что Шагал оказался оторванным от своей родины, но никогда ее не забывал, как когда-то писали в энциклопедии, «не порвал связи с советской общественностью». Художника называли «великим старцем искусства XX века». Но старцем в искусстве он никогда не был благодаря верности своей юности, прожитой на родине. «Он хотел летать, — писал когда-то А. В. Луначарский, — но летает как домашняя птица, как птица с подрезанными крыльями». Как птица, навсегда влюбленная в свой насест.

Шагал вынимает свою скрипку, усаживается где-то между небом и землей — и звучит его добрая, грустная, радостная мелодия, не улучшая нас и не ухудшая, но оставляя самими собой в стремительно меняющемся мире.

В. ЛИПАТОВ.